

18.04.2019, 09:09 Московская область

свой опыт

«Вы знаете, что она сидела»: к фигурантке дела о взрыве у ФСБ в 1998 вновь пришла полиция

В начале 2000-х коммунистку Надежду Ракс посадили по обвинению в участии в маломощном взрыве, который произошел у приемной ФСБ в 1998 году. Позже Мосгорсуд уголовное дело закрыл, ЕСПЧ присудил фигурантам компенсации. Ракс растит сына и работает переводчиком с английского, живет в подмосковных Мытищах. Через 12 лет после освобождения ей снова заинтересовалась полиция.

Первый раз он приходил в пятницу, 5 апреля, в районе 12 часов дня. Я была на работе, когда пришла домой, мать рассказала. У нас звонок не работает в силу

электрических причин, дверь не сильно крепкая. Какой-то молодой человек очень сильно бил по двери, практически высаживал ее.

Маме 71 год, она была одна, сильно занервничала. Обычно все, кто к нам приходят, звонят с домофона, а он поднялся сразу на этаж. Удостоверения у него не было. Когда мама стала настаивать, он показал ей паспорт и какую-то бумагу. Он заявил, что является оперативником уголовного розыска. Мать записала его фамилию — Козыренков. Сказал, удостоверение ему пока не выдали, но заявил, что я ему нужна. В бумаге насчет меня ничего не было. Бумага была, видимо, о том, что он работает в МВД.

Мама сказала, что я на работе. Вечером в школе у ребенка был праздник, начинался в 18 часов, предполагалось, что закончится в 20:30. Мой сын там выступал. Мама предложила оперативнику подойти к 21 часу. Что ему надо, оперативник не объяснил и в этот день больше не приходил. В субботу тоже.

В воскресенье днем я пошла в парикмахерскую. Когда вернулась, мама сказала, что Козыренков снова приходил, около восьми вечера, в этот раз он был в куртке с надписью «полиция». Мама сказала Козыренкову, когда я должна вернуться и предложила оперативнику оставить какие-то координаты, куда мне пойти. Ничего он не оставил. Она с балкона видела, что Козыренков сел в полицейскую машину и уехал.

В понедельник я пошла в УВД Мытищ, оно считается центральным в городе. Я пыталась выяснить, работает ли у них товарищ с такой фамилией. В УВД он не работает, но оказалось, уголовный розыск в Мытищах есть в разных отделениях полиции. В результате дежурная дала мне бумажку, на которой было написано «Козыренков Александр» и номер телефона.

Она сказала, что он действительно оперативник и ему с меня нужно взять какое-то объяснение. Я целый день безуспешно ему звонила, этот номер не работал.

Параллельно я готовила бумаги о том, что наше уголовное дело было прекращено Мосгорсудом, по решению Европейского суда по правам человека нам выплатили компенсацию. Никаких оснований меня повторно трогать нет, я не судима, прошло 12 лет уже, как я вышла на свободу.

Во вторник, 9 апреля, мама позвонила в слезах. Где-то без двадцати восемь вечера поднялись двое, дверь нагло высаживали ногами. Мама открыла дверь — там были Козыренков и товарищ, который сказал, что является его начальником.

«Начальник» начал орать на весь подъезд: «А что, тут до сих пор никто не знает, что она сидела?» Мама сказала, что у нас ребенок лежит с температурой. На них это не произвело впечатления. Мама попросила у «начальника» удостоверение. Он открыл его, и закрыл, хлопнув перед носом. Ни фамилии, ничего мать посмотреть не успела. Она сказала, что напишет на них жалобу. Те стали уходить и орали на весь подъезд, что «тут живут уголовники», оскорбляли мою маму.

Они были в гражданском. Сосед, поднимавшийся домой, спросил у них, что происходит, на что «начальник» послал соседа матом. У них завязалась ссора, сосед вынудил их покинуть подъезд. Они были на белой «мазде» — видимо, это машина «начальника».

Тут приехала я на такси, они вышли из «мазды» и подошли ко мне. Я спросила: «Это вы мне дверь ломаете?»

Они сказали садиться с ними в машину, я категорически отказалась. Если бы было мало народу, может, они бы предприняли какие-то попытки [затащить в машину],

но у подъезда былолюдно. Тут из подъезда еще вышла моя мама.

Я попыталась выяснить, в чем дело и что от меня нужно. «Начальник» стал орать, что сейчас вызовет воронок и меня заберут за оскорбление и неповиновение полиции. Я ответила: я ваши документы не видела, вы не в форме, нечего меня пугать обезьянниками. Он громко орал на весь двор, что посадит меня. Я отошла в сторону с Козыренковым, в это время «начальник» сцепился с моей мамой.

Я спрашиваю Козыренкова, что от меня нужно. Он сказал, что взять объяснение, но это обязательно нужно сделать в квартире. Я согласилась подняться с Козыренковым, но сказала, что «начальника» не пущу. «Начальник» остался в машине.

Я спрашиваю, что за объяснение. Козыренков говорит: просто проверка. Еще на улице я сказала ему про ЕСПЧ, что дело прекращено, я освободилась 12 лет назад. Козыренков ответил, что его все это не интересует. На улице он показал мне некую бумажку, в которой было три фамилии, как он выразился, «людей, которые когда-то привлекались за оборот оружия». На улице было темно, ни свою, ни другие фамилии я не разглядела.

Форма бумаги, которую он составил, называется «объяснение». Не знаю, как это с юридической точки зрения. Записал все мои данные. Сказал, что ему обязательно — иначе он не уйдет — надо записать, с кем я проживаю, включая ребенка. Где я работаю, чем занимаюсь в свободное время. Сказал, что должен обязательно меня сфотографировать. Также сфотографировал паспорт.

Ни в каких митингах, пикетах я сейчас не участвую в силу семейных обстоятельств. Для меня происходящее — это

шок. Я переживаю за безопасность своей семьи.
Возвращаясь по вечерам домой, я чувствую себя неуютно.

Ещё почитать

17.02.2026 Московская область

На журналиста, «по приколу» ставшего
«иноагентом», завели уголовное дело по
«иноагентской» статье

22.01.2026 Московская область, Санкт-Петербург

Осужденная из-за портретов участников РДК
школьница рассказала об угрозах силовиков